

УДК 82-94

ДНЕВНИК М.М. ПРИШВИНА: ПОИСКИ ИДЕНТИЧНОСТИ

М.Г. Чулюкина

Аннотация

В статье, учитывая возросший интерес читателей к автобиографической прозе, рассматривается проблема самоопределения личности и возможность успешного преодоления «кризиса идентичности» на примере дневника М.М. Пришвина.

Ключевые слова: дневник Пришвина, поиск идентичности, конфликт личности и государства, философичность мышления, путь самосознания.

Дневник давно уже зарекомендовал себя как одно из ключевых средств духовного самоопределения личности. Уже в XIX веке дневниковая культура достигла в России высокого уровня; она была связана с литературной постановкой проблемы личности, освоением её внутреннего мира, что доказывают такие выдающиеся образцы, как дневники Л.Н. Толстого, С.А. Толстой, А.Г. Достоевской, А.С. Суворина, П.А. Валуева, А.В. Никитенко.

Будучи результатом «осознанного стремления авторов последовательно закреплять повседневное течение своей жизни, свои мысли и переживания наряду с впечатлениями от окружающего и ведённые сколько-нибудь длительный период» [1, с. 38], дневник становится показателем и духовного состояния общества, отражением «запаха, звука и цвета времени» (Ю. Трифонов). Ибо выработка духовно-нравственной позиции, представление своего «я» идут в широком контексте общественно-политической и культурной жизни своего времени. С. Булгаков, чьи дневниковые записи публиковал «Новый мир», писал: «Нужно особое проникновение, и, может быть, наиболее глубокое и трудное, чтобы *познать самого себя* в своей природной индивидуальности, уметь полюбить *своё*, род и родину, постигнув в ней самое себя...» [2, с. 204]. Такой трудный и медленный путь самосознания прошёл и М. Пришвин, о чем свидетельствует его дневник.

Пришвин вел дневник с 1903 по 1954 годы, и эти записи представляют собой литературную эпоху, почти полностью вместившую в себя становление, развитие и завершение творчества писателя. Именно дневниковый жанр позволяет проследить наряду с жизненной динамикой становление личности автора: «Я пережил три состояния: 1) пролетарской озлобленности с готовностью требовать себе земных благ в силу внешнего равенства всех в отношении распределения земных даров, 2) состояние личного смирения, сознание нищеты своей и радости с благодарностью за получаемое, 3) состояние полного обладания своей

земной долей с обязательством своей готовности идти на страдание с верой в бессмертие личности», – записывает Пришвин 16 ноября 1940 г. [3, с. 155].

Михаил Пришвин принадлежит к числу тех художников, творческая и личностная индивидуальность которых позволяет расставить акценты в оценках литературного процесса всего столетия. Его творчество изучено многими исследователями литературы. В частности, А. Варламовым издана книга о Пришвине из серии ЖЗЛ (см. [4]), в 2002 г. переиздана книга воспоминаний В.Д. Пришвиной под редакцией исследователя творчества Михаила Пришвина Я.З. Гришиной (см. [5]) как дополнение к дневникам Михаила Михайловича; ранее были опубликованы статьи, монографии других литературоведов. В написанных о Пришвине статьях и книгах советского времени содержится много ценного, но они посвящены художественному наследию автора. Это относится прежде всего к работам М.М. Бахтина, А.М. Эткинда, З.Я. Холодовой, Я.З. Гришиной. Но при этом Пришвин до сих пор остается малоизученным писателем, в связи с тем что мало изучена его публицистика, не все дневники опубликованы, а они, как известно, являют собой большую часть пришвинского наследия и, по мнению автора, являются главным его произведением.

Пришвин вел дневник более полувека, и потому, как, собственно, любой человеческий документ, дневник, при всем его самоанализе и субъективизме, не просто раскрывает нам личность автора, имеет не только литературную, но и историческую ценность. Дневник сам по себе особенно полно выражает историческое самосознание личности – в чем и состоит его социальная функция.

Отражая в дневнике события и их осмысление, автор создал не просто художественный, а художественно-философский мир. Мысль о месте человека в мире, взаимодействии его с окружающей действительностью, самоопределении пронизывает весь дневник писателя, и едва ли будет большим преувеличением сказать, что проблема поиска идентичности является первичной в творчестве Пришвина.

Ряд социальных и индивидуально-личностных выборов, идентификаций и самоопределений составляют основу нашей жизни. Для самой личности её идентичность представляется как ответ на вопросы «кто я?» и «соответствует ли «я» нормам общества?». Для личности понятие идентичности имеет скорее психологический аспект, а для общества в целом – социальный. Именно чувство целостности и тождественности, ощущение синтеза, единства и социальной солидарности является потребностью каждого человека, хотя проявляется у всех по-разному. На это, в частности, указывает профессор С.К. Шайхитдинова: «Личностно воспринимаемая гармония отношений с социумом заключается в том, чтобы исполняемые социальные роли и обязанности не только совпадали с общественными жизненными целями, но и были подкреплены общественной потребностью в них» [6, с. 152]. В случае с Пришвиным поиск идентичности привёл к конфликту творчества и идеологии.

Гражданская позиция Пришвина выражалась в том, что он стремился не просто сделать выбор, а реализовать себя, быть востребованным обществом, которому хотел служить, но быть не «типом», как требовала идеология, а автором, и потому конфликт был неизбежен. Дело в том, что Пришвин противился абсолютной идентификации с обществом, более того, писатель стремился най-

ти именно то, чего ему так не хватало, найти свой путь в литературе, а идентичность предполагает тождественность, сходность, что неприемлемо в творчестве. Автор имеет твердую жизненную позицию, о которой можно сказать так: «на том стою и не могу иначе», о чём свидетельствует запись 1936 г.: «Я последнюю рубашку, последний кусок хлеба готов отдать ближнему, но места своего уступить никому не могу, и если возьмут его силой, то на месте этом для себя ничего не найдут и не поймут, из-за чего я на нем бился, за что стоял» [7, с. 239].

Неразрешенное противоречие между личностью и окружающей средой, возникающее в случае несостоявшейся самореализации человека в любой сфере жизнедеятельности, как правило, приводит к потере идентичности, а значит – к конфликту или отчуждению. Писатели были вынуждены либо «наступить на горло своей песне», либо противопоставить себя существующей системе, как это сделали, к примеру, Ахматова, Гумилев или Мандельштам, потому что не хотели идентифицировать себя с той реальностью, которая их окружала. Нежелание и невозможность «следовать вместе со всеми», потребность постигнуть глобальность происходящего, показать социально-психологический срез общества – всё это удержало Пришвина на писательском поприще. Безусловно, для того чтобы иметь возможность заниматься любимым делом, печатать свои произведения, автору приходилось идти на компромиссы, но это было не ложью, а нескончаемым внутренним диалогом, вызванным противоречием между «надо» и «хочу»: «Итак, я тоже «ударник», тоже закрепился <...> поставлять свое производство в количестве (столько-то печатных листов). О качестве не может быть у нас и разговора, потому что качество вещей связано с личностью» [7, с. 180].

Категория отчуждения относится к объекту, познаваемому в масштабе культуры определенной эпохи, и поэтому ответ на вопрос «кто я есть?» не может быть получен, если он поставлен вне культурно-исторического контекста. Пришвин прожил не одну, а несколько эпох, и большую часть своей жизни – во времена полного господства государства над всеми сторонами жизни общества. В этой связи любопытна запись, сделанная осенью 1937 года: «Листья падают. Сколько ни гляди на дерево, не угадаешь, какому листику лететь вслед за упавшими» [7, с. 256].

По определению психолога Э. Эриксона, в результате социальных или жизненных катастроф, когда привычные содержания в ответе на вопрос «кто я?» разрушаются, наступает «кризис идентичности». Эта проблема не обошла и Пришвина. Дневник 1937 года отразил и эсхатологическое чувство автора. Подобное ощущение конца света не раз ещё появлялось на страницах и в последующие годы: «... Всемирная катастрофа, предчувствие конца мира сопровождало всю мою жизнь. Смыслом моего личного конца теперь должно быть это: нащупать сквозь толщу катастрофы хоть каких-нибудь вестников желанного мира» [7, с. 256].

Возможно, в преодолении «кризиса идентичности» Пришвину помогли философичность мышления, умение путем различных методов психоанализа углублять знание о событии, ведь с философской точки зрения беспредметных переживаний не существует, а это значит, что объект сознания есть отражение

какой-то стороны реальности. Для Пришвина главная задача – раскрыть структуру чистого сознания, то есть указать, какие акты сознания каким предметностям соответствуют, и дневник давал возможность чётко формулировать своё отношение ко всему происходящему, это позволило не просто развиваться самому, но и трезво смотреть на события. С этой точки зрения дневник становится свидетельством духовного пути человека, средством ежедневного самопознания и самостановления: протекающая жизнь не просто фиксируется, а осознаётся как взаимодействие человека и природы, личности и эпохи, причем уловленное в самый момент этого взаимодействия, а не ретроспективно. Сплав личного и общественного содержания, представленный в нем исторический и автобиографический контекст, охватывающий почти полвека, полемичность и кажущаяся противоречивость превращают пришвинские «тетрадки» из частного документа в уникальную книгу русской жизни, публицистическое произведение, которое не имеет аналогов.

Дневник Пришвина уникален ещё и тем, что здесь, в отличие от дневников Е. Шварца или К. Чуковского, почти отсутствуют литературные портреты современников. Это качество отнюдь не умаляет достоинства дневника, а даёт возможность рассмотреть исследуемый материал с другой точки зрения. Основная тема пришвинских дневников – взаимодействие личности и государства, личности и массы, свободы и необходимости, цивилизации и культуры.

Публицист, прошедший период кризиса и самоисследований, сформировавший определенную совокупность личностно значимых для него убеждений, соответственно структурирует свою жизнь: на первый план выходит ценность каждого мгновенья, качество жизни, а «не количество прожитых лет» [7, с. 448]. В одной из последних записей в дневнике Пришвин признается: «...как мало люди берут из того, что им дано на земле. И как счастлив я, что свою долю в значительной мере взял» [7, с. 456].

На языке психологии такую позицию можно охарактеризовать как «достигнутую идентичность». Это означает, что автор не просто осознаёт себя как личность, а чувствует себя состоявшимся человеком.

Американский психолог, представитель когнитивной теории личности А. Бек указывал, что только при адекватной оценке действительности возможна адаптивность мыслей и, соответственно, жизненной позиции. Проще говоря, хочешь изменить мир – начни с себя. И, исходя из содержания дневника, можно быть вполне уверенным в том, что Пришвин меняет свои конструкты, то есть представления о реальности, и в соответствии с этим интерпретирует окружающую действительность и себя иначе, более позитивно. Путь Пришвина – это яркий пример познания себя, человеческой природы вообще: через искусство любить мир, видеть красоту этого мира и ценить каждый миг своей жизни: «Гораздо важнее *увидеть* жизнь, чем *изменить* её, потому что она сама изменяется с того мгновенья, как мы её увидели» [7, с. 95].

Summary

M.G. Chylukina. M.M. Prishvin's Diary: a Search for Identity.

Taking into account a growing readers' interest in autobiographical novels, the author examines the problem of a search for identity and the possibility of overcoming an "identity crisis". M.M. Prishvin's diary is employed as an example for such study.

Keys words: Prishvin's diary, search for identity, conflict between an individual and state, philosophical mind, self-evolution.

Литература

1. *Тартаковский А.Г.* Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в.: От рукописи к книге. – М: Наука, 1991. – 286 с.
2. *Булгаков С.Н.* Моя родина. Статьи. Очерки. Письма // Новый мир. – 1989. – № 10. – С. 201–246.
3. *Пришвин М.М.* Дневник 1937 года. Часть вторая. Июль – декабрь // Октябрь. – 1995. – № 9. – С. 155–171.
4. *Варламов А.Н.* Пришвин. – М.: Мол. гвардия, 2003. – 848 с.
5. *Пришвина В.Д.* Невидимый град. – М.: Мол. гвардия, 2002. – 519 с.
6. *Шайхитдинова С.К.* Информационное общество и «ситуация человека»: Эволюция феномена отчуждения. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. – 308 с.
7. *Пришвин М.М.* Дневники / Сост., предисл. и комм. Ю.А. Козловского. – М.: Правда, 1990. – 480 с.

Поступила в редакцию
16.01.08

Чулюкина Марина Геннадьевна – аспирант кафедры журналистики Казанского государственного университета.

E-mail: Chulykina@rambler.ru